

Шемякин, А. Л. Характер Сербской народной радикальной партии по письмам Николы Пашича / А. Л. Шемякин // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 195–204.

А. Л. Шемякин

ХАРАКТЕР СЕРБСКОЙ НАРОДНОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ ПО ПИСЬМАМ НИКОЛЫ ПАШИЧА

Письма являют собой тип источника специфический и, если изначально не предназначены автором кроме адресата еще кому-либо или Истории, то самый правдивый. «Ничто не выдает человека так, как письмо», — эту максиму Г. Броха с полным правом воспроизвела Латинка Перович в предисловии к своей книге о П. Тодоровиче [1, с. 21]. А потому в своей переписке герои прошлого часто предстают не в том виде, в каком их привыкла выставлять традиционная историография. Бывает, что в ней же скрыты и подлинные пружины тех поступков, что вошли в историю, трактуемые с точностью до наоборот. Иначе говоря, личные письма, оказавшись в руках потомков, нередко ломают стереотипы, созданные авторитетами, господствующей идеологией или традицией. И в том их немалое значение.

Ниже (на конкретном материале) мы постараемся показать оправданность таких суждений. Заявленная в титуле тема вполне позволяет сделать это, четко определив исследовательскую задачу, — высветить характер Сербской народной радикальной партии через анализ *писем* ее бессменного вождя. Такой крен при отборе источников кажется нам весьма перспективным, ибо вопрос о характере и идейной природе Радикальной партии до сих пор остается одним из наиболее «стереотипных» в науке [см.: 2].

Письма, которые больше чем письма. Исследуя жизнь или идеи любой заметной исторической личности, историк стремится к познанию материалов аутентичных, то есть вышедших из-под ее пера. И прежде всего, писем. Не всегда это удастся, но всегда этого хочется. Биографам Николы Пашича в этом отношении крупно повезло. Его письма (те, что доступны) составляют уникальный корпус, имея в виду их значение для науки. Ведь *взятые в совокупности* они позволяют предложить принципиально новые ответы на многие, казалось бы, давно решенные вопросы. Примерно так, как одним лишь фактом своего существования уже смогли опровергнуть до сих пор бытующий в историографии миф, будто «приватная документация Пашича весьма незначительна по объему» [3, с. 5], поскольку, мол, «писал он мало и не любил оставлять за собой письменных следов» [4, с. 156]. Архивные разыскания, проведенные в Сербии, России и Болгарии, доказали совершенно обратное. Что именно?

Начнем с того, что Пашич писал *очень много* и с удовольствием. О первом свидетельствует хотя бы общий объем его эпистолярного наследия; о втором — собственное признание, сделанное в письме Ранко Тайсичу от 26 октября 1881 г. «Если бы у меня было достаточно времени, — заметил он, — я бы постоянно переписывался с друзьями, так как это доставляет мне подлинное удовольствие. Но поскольку времени практически нет, я редко могу себе его позволить» [5, с. 127].

Далее. Пашич тщательно сохранял свою корреспонденцию, оберегая ее как зеницу ока. И в этой связи бытует легенда о «плетеном чемодане», который он якобы не выпускал из рук, ибо там содержалась его доверительная переписка. А ведь это никакая не легенда: чемодан впрямь существовал. До 1903 г. он всегда был в полной готовности к внезапному отъезду своего владельца за границу — время тогда было неспокойное. Мало того, бывало, что Пашич и сам отправлял его туда — людям, которым доверял.

Например, в Италию, где чемодан хранился у шурина, Стевана Дуковича, или в Россию, где его «опекал» другой близкий человек, Федор Федорович Таубе. В июне 1903 г., вернувшись после «майского переворота» в Белград и осмот

Шемякин Андрей Леонидович — заместитель директора Института славяноведения РАН, доктор исторических наук

ревшись, он отписал жене: «Скажи Стеве, пусть возвращает все мои бумаги, опасности больше нет» [6].

В бытность его в эмиграции, в 1883—1889 гг., чемодана, понятно, еще не было. Но вся важнейшая корреспонденция, накопленная к тому времени, хранилась в Софии, в «двух больших, обшитых полотном, пакетах», у Симо Соколова — еще одного преданного и надежного друга [7]. Как видим, Пашич был осмотрителен и аккуратен, никогда не доверяя свой личный архив превратностям жизни на чужбине. Его бережное отношение к нему иллюстрирует обращение к бывшему однокашнику по цюрихскому Политехникуму, а в середине 1880-х гг. — соратнику по борьбе с королем Миланом Обреновичем, Михаилу Свилокосичу: «Я думаю ты хранишь мои письма так же, как и я твои. Может быть, придет время, и мы возвратим их друг другу...» [8]. Удивительно, но и сорок лет спустя мы наблюдаем то же самое. 11 августа 1926 г. слабая старческая рука буквально нацарапала на письме Аце Станоевичу: «Оставь для меня его копию» [9].

Следующий момент. Несомненно, что дошедшие до нас письма Н. Пашича являются первоклассным историческим источником. Хотя бы потому, что в них (по крайней мере, до его женитьбы в 1891 г.) практически нет личных мотивов. Профессиональный политик и лидер крупнейшей сербской партии, фанатично ей преданный, он писал только о деле, каким для него всегда оставалась борьба. «Я знаю, — совсем по-вольтеровски говорил он, — что жизнь есть борьба» [10, с. 207]. Ее цели, друзья, враги, общеполитический и идейный контекст — все это богатство сюжетов (подлинный рай для историка) находит отражение в письмах Пашича соратникам. И сам он прекрасно осознавал эту особенность, заметив однажды, что его письма «носили общий, а не частный характер» [5, с. 193].

И, наконец. Именно в своих письмах Пашич до конца откровенен, а значит, — они заслуживают доверия. Ведь, по меньшей мере, в четырех из них — Драгише Милутиновичу (1873) [11], Р. Тайсичу (1881) [5, с. 128], Николе Сукнарову (1885) [5, с. 187] и Саве Груичу (1888) [5, с. 275—276] — настоящий крик души. Причины тому в каждом случае различались, но само явление для автора — человека с крепкими нервами и не по-балкански хладнокровного — отнюдь не типичное... Воистину, «ничто не выдает человека так, как письмо». И даже «железный» Никола Пашич не смог утаить от пера и бумаги своих эмоций.

Тонкий наблюдатель и блестящий знаток эпохи, Милан Протич-Старший вынес по теме сказанного удивительно точный вердикт. Такой недоверчивый и закрытый человек, как Пашич, — писал он, — «был искренен единственно в своих письмах», которые, следовательно, «важны не только для него, но в какой-то степени и для истории — как Радикальной партии, так и сербского народа вообще» [12, с. 100]. Все точно, вот только жаль, что на эту оценку деда внук-историк не обратил никакого внимания, продолжая заниматься мифотворчеством [13, р. 129—149].

Идеология и организация Радикальной партии. *Характер* партии определяется совокупностью двух лежащих в основе ее существования субстанций — *идеологии* и *организации*. При этом вторая всегда определяется и органично вытекает из первой.

Во введении к сборнику писем, статей и выступлений Пашича составители постарались вычленить сквозные темы, которые проходят в нем красной нитью на протяжении всей хронологии, до 1891 г. Так вот, одной из таких *констант мышления* героя было «рождение и развитие Народной радикальной партии» [14, с. 9]. Что логично, ибо речь идет о ее создателе, идеологе и харизматическом лидере, никогда не отделявшем себя от своего детища... Правда, в литературе делаются попытки искусственно разделить вождя и партию [см.: 15, с. 145], однако убедительными они не выглядят, поскольку ничем не подкреплены и ничего не объясняют. Те же, кто это делает, в его письма точно не заглядывали; зачем — ведь если их как бы нет, легче «доказать», что Пашич был *только* прагматиком и практиком, а, мол, «идейную основу сербского радикализма создавали другие» [4, с. 155]. На самом же деле все было по-другому...

Начнем с того, что сам генезис Радикальной партии он рассматривал как вполне логичное звено в цепи «постоянных борений сербского народного духа с намерениями властителей, которые желали бы устроить и направить Сербию в соответствии с их собственными планами, заимствованными за границей — в результате контактов с чуждой западной цивилизацией». А как же могло быть иначе — ведь «всякая народная партия ведет свою родословную от какого-то важнейшего для народа принципа, стремления, идеала» [5, с. 161]. В том числе, понятно, и Радикальная.

Ее история началась в 1869 г., когда, по принятии конституции, «молодежь, не пошедшая за Регентством, стала защищать народные свободы и народные права в русле самостоятельной деятельности и политики» [16, с. 227]. Тогда же Светозар Маркович выступил со своей известной статьей «Сербские обманы», в которой положил начало эмансипации нарождавшейся социалистической идеологии от либеральной традиции. Информативно насыщенные письма Пашича середины 70-х гг. дают ясное представление об этом важнейшем периоде ранней истории Радикальной партии. Выделим узловые моменты.

Во-первых, в них зафиксирован момент внутренней эволюции движения С. Марковича, то есть переход его участников от чисто теоретических построений к решению сложных практических задач. Здесь же были сформулированы и сами задачи, а также средства их решения. «Еще когда Светозар был жив, — писал Пашич его брату, — ... мы почти все согласились с тем, что программу, опубликованную в «Раденике» («Работник» — первая газета социалистического направления на Балканах, выходящая в 1871 г. под редакцией С. Марковича. — *А. Ш.*), необходимо кое в чем изменить, дабы приблизить ее к реальным условиям жизни. Мы решили все наши экономические и политические теории соотносить с насущными проблемами, стоящими в повестке дня, и стремиться к тому, чтобы народ сам взял законодательную и исполнительную власть в свои руки и, опираясь на нее, смог смести со своего пути все, что ему мешает. Нам и тогда казалось, и сейчас кажется, что добиться всего этого можно посредством Народной скупщины» [5, с. 43—44].

Далее. Уже в 1875 г. (то есть, задолго до конституирования) Пашич использует в своих письмах дефиницию «Радикальная партия», что означало окончательное формирование самостоятельной *политической* ниши наследников Марковича и их союзников — «народных трибунов» из крестьянской оппозиции в скупщине [см.: 17, с. 56—58].

И, наконец, в это же время, и опять-таки в переписке, он разрабатывает для нее организационные принципы и идеологическую программу, выдержанную не в духе голой теории (доктрины), но адаптированную к реалиям практической борьбы. И особо важным представляется его письмо Еврему Марковичу — брату покойного Светозара. Андрия Раденич в свое время высказал суждение, что «в этом

письме уже видится будущий Пашич...» [18, с. 109]. Нам же думается, его значение шире — в нем уже виделась будущая Радикальная партия.

Хорошо известно, что Никола Пашич был неважным стилистом. Следуя за его пером, выводящим длинные, часто сумбурные строки (бывало — без конца), трудно порой с первого раза понять содержащийся в них смысл. Четкость слога и емкость формулировок (что было столь присуще виртуозному импровизатору Пере Тодоровичу) никак не отнесешь к числу достоинств радикального лидера. Но иногда из-за этих скучных и тяжеловесных словес пробивались подлинные шедевры. Письмо Марковичу, по богатству идей, оказалось именно таковым [5, с. 41—45].

Важно, что в нем Пашич впервые определяет главную задачу «Радикальной партии» как задачу борьбы за власть. Причем, «ее приход к власти» означал бы «победу всего народа». Такая взаимосвязь для него есть *conditio sine qua non*, поскольку «самостоятельно наш народ не может выйти из кризиса». Уже в этих немногих фразах автора письма проявилась *мессианская* природа сербского радикализма, ведь интересы партии были отождествлены с интересами *всего* народа, а «критически мыслящее» радикальное меньшинство объявлено его *единственным* пастырем.

Из сформулированной таким образом главной посылки вытекало все остальное. В первую очередь — это *конфронтационность* сознания, когда власть воспринимается не как политический оппонент, но как откровенный неприятель (то есть, *враг народа*), коего надо уничтожить: «Нынешней бюрократической машине, если ее нельзя сломать сразу, следует вбивать клин за клином, подталкивать ее, раскачивать, вставлять палки в колеса, чинить всяческие препятствия и вообще делать все возможное, дабы способствовать ее краху». Отсюда — осознание необходимости именно *борьбы* с этим врагом (а не только жесткой критики) и даже признание возможным использования ее нелегальных форм: «Всегда следует помнить, что народная свобода не может быть завоевана исключительно легальным путем».

Далее следовало четкое понимание значения *организации* для достижения цели и, соответственно, акцент на строгую *дисциплину* и *единомыслие*, как неперемное условие эффективности действий, что означало органичное неприятие всякого дисидентства: «Мы думали, что твое избрание в скупщину усилит Радикальную партию и будет способствовать ее более разумной, синхронной и энергичной деятельности», но «своим поведением ты нанес ущерб себе и своей партии». И, наконец, — отношение к *агитации* и *пропаганде*, как к самому важному средству легальной борьбы против властей: «Вопрос о бюджете нам весьма выгоден для агитации в народе...». Этот набор организационно-политических установок, озвученный в раннем послании Пашича, составит с начала 1880-х гг. универсальный инструментарий Радикальной партии и будет сохранять свою актуальность на протяжении всего правления двух последних Обреновичей.

Что касается идейного арсенала наследников Марковича накануне войн за независимость, то Пашич вполне исчерпывающе представил его в «Программе радикалов», содержащейся в письме Мише Дмитриевичу. Известный науке с конца 1930-х гг., текст документа неоднократно исследовался, и потому мы не будем на нем останавливаться. Отметим лишь стойко *антилиберальный* пафос его автора: «Экономической свободы, т. е. независимости, можно добиться лишь объединением труда, когда средства на развитие промышленности и сельского хозяйства получает не отдельное лицо, но задруга, показавшая себя способной в управлении капиталом и развитии производства». Соответственно «мы хотим охранить

сербский народ от ошибок западного индустриального общества, где образуется пролетариат и прослойка богатеев, и поднять уровень производства на общинной основе» [5, с. 51].

Как видим, Пашич в своем письме четко разграничил и противопоставил друг другу принцип индивидуализма, как основу капиталистического способа производства и либерального мироощущения вообще, и начало коллективизма — стержень *народнического* представления о прогрессе и *традиционалистского* видения мира в целом. Наметившаяся дихотомия «либеральная идея—традиция» станет, в различных проявлениях, доминантой деятельности радикалов в 1880-е гг. ...Пока зафиксируем, что общие ее контуры сложились в их сознании уже к 1875 г.

Внутрипартийные принципы деятельности Радикальной партии. По обретении Сербией независимости в 1878 г. Никола Пашич был избран депутатом Народной скупщины. В ее стенах (примерно за два года) он смог собрать довольно разношерстную левую оппозицию, сплотить под едиными лозунгами и внести элементы порядка в ее хаотическую деятельность — словом, создать в виде радикального парламентского клуба необходимый задел для формального конституирования Радикальной партии. Итак, вождь объявился. Возникла и организация — правда, пока лишь в зародыше, но с потенцией превращения в мощного политического спрута. Причем возможность такой трансформации целиком зависела от того, как долго еще суждено было сербскому премьеру Йовану Ристичу диктаторски управлять страной. Отдавая себе отчет в указанных особенностях общественно-политического и социально-экономического развития Сербии, Пашич терпеливо ждал перемен и тщательно готовился к ним. Прежде всего идеологически.

Для «обкатки» своих идей лидер скупщинских левых использовал страницы газеты «Видело» («Свет»). В письме в редакцию он упоминает о Радикальной партии и провозглашает главными ее целями политические свободы и борьбу «против преимущества капитала над трудом». Он выступает также за развитие отечественной индустрии, но «насколько это возможно, без пролетариата». Эти задачи представляются ему крайне актуальными в новых, сложившихся после Берлинского конгресса, условиях, когда «на место прогнившей Турции пришла культурная Австро-Венгрия». Настаивая на проведении реформ, Пашич особо подчеркивает, что его партия стремится к тому, чтобы они осуществлялись «в духе народных традиций...» [5, с. 55—62]. По сути дела, в своем послании он сформулировал основной вопрос (имманентно присущий *традиционному* способу мышления) — как измениться, оставаясь в то же время самими собой?

Без учета этой активной работы Пашича по организации левой оппозиции в скупщине и идеологическому обеспечению ее деятельности, трудно до конца понять ту быстроту, с какой Сербская радикальная партия конституировалась после падения правительства Ристича. Всесильный либеральный премьер подал в отставку 19 октября 1880 г., а уже в ближайшем январе вышел первый номер газеты «Самоуправа» («Самоуправление») с официальной программой партии... Радикальный спрут изготовился охватить страну своими щупальцами.

С самого начала организация радикалов замышлялась ее основателями как партия *народная* (следовательно, массовая), что не удивительно, ибо цели ее по-прежнему отождествлялись с целями всего народа — Пашич трактует свой курс как «помощь народу» [5, с. 87—88]. Но наряду с массовостью, другой особенностью партии была жесткая внутренняя структура и соподчиненность. Общинные, уездные и окружные филиалы, густо усеявшие страну, и венчающий пирамиду Главный Комитет (ГК) действовали как хорошо отлаженный механизм.

Своим устройством эта система напоминала армию — партийные взводы, роты и батальоны подчинялись Верховному штабу и были стянуты единой волей и ответственностью. И как всякая структура военного типа, основанная на принципе иерархичности подструктур, Радикальная партия была немислима без фигуры *вождя*, кем объективно и навсегда стал Никола Пашич. Сначала как первый среди равных в ряду других членов Главного комитета, а затем (по мере выбытия из его состава отцов-основателей и притока в партийное руководство представителей новых радикальных генераций, для кого борьба первоборцев была уже оваяна легендой) как *единственный* авторитет: «Пашич принадлежит нам, мы принадлежим Пашичу» [19]. С другой стороны, очевидно, что эффективность функционирования любой *иерархии* обусловлена *единством* вертикали, каковое зиждется на *дисциплине* и *подотчетности* входящих в нее элементов. Пашич знал о существовании этого закона организации, а потому ключевыми понятиями в его письмах 1880-х гг. и являлись «дисциплина» и «единство».

Как явствует из них, монолитное единство партии Пашич ставил превыше всего, начисто отвергая саму возможность *диссидентства*. Меньшинство, а тем более — отдельный член, с мнением, противным воле большинства, должны, по его мнению, приноситься в жертву единству партии, а она, в свою очередь, «не забудет пользу, принесенную этой жертвой» [5, с. 228]. В 1886 г. Пашич горячо одобрил поведение Раши Милошевича, который «на деле показал, что готов покориться большинству даже тогда, когда не разделяет его позиции». «Ты ведешь себя, — писал он соратнику, — как сторонник единства партии. Оберегая ее внутреннее согласие, ты идешь на уступки даже там, где имеешь право мыслить по-своему (выделено нами. — А. Ш.)» [5, 219—220]. Подобная лояльность являлась для Пашича высшим проявлением «патриотизма и любви к партии», которые должны быть «сильнее личных мнений». Нельзя допустить, — словно заклинание повторял он в своих письмах, «чтобы точка зрения отдельного члена противопоставлялась линии всей партии» [5, с. 217].

Ну, а если они все-таки сталкивались — взгляд диссидента и «генеральная линия», что же тогда? . Ответ мог последовать только один — никакой пощады раскольникам. «Оповестите всех членов партии, — требовал Пашич от нишских функционеров в 1896 г., — что они

должны выбирать между всей Радикальной партией и исключенными членами. Середины здесь нет и быть не может. Тот, кто действует вкупе с предателями, не может быть членом нашей партии. Тот, кто подрывает дисциплину, недостоин состоять в ее рядах» [20]. Иными словами, кто не с нами, тот против нас... Но чем же был вызван столь жесткий подход к внутренним оппонентам? Все дело в том, что любой раскол в партии ее вождь воспринимал эсхатологически, напрямую ассоциируя его с крахом Сербии как независимого государства. Не больше, не меньше. «Вы меня зовете домой, — писал он Саве Груичу из Петербурга в январе 1894 г. — И хотя мне не хочется ехать именно сейчас, я все же должен вернуться, поскольку нынешний разлад в Радикальной партии нанесет стране большой ущерб. Мировые события могут заставить Сербию в полном расстройстве и без сильной партии, которая могла бы управлять народом, что, отбросило бы нас назад, если не сказать — привело бы к гибели» [21].

Блестящий и гибкий тактик («политика измеряется только мерой успеха» [5, с. 78]), Н. Пашич вполне допускал возможность разного рода политических маневров, тактических компромиссов, даже временного отступления, если того требовали обстоятельства. Но единство Радикальной партии — своего любимого детища — он всегда отстаивал с каким-то особым упорством. В данном вопросе уступки исключались начисто. «Любому соглашению, — подчеркивал он в 1886 г., — мы предпочтем единство партии» [5, с. 217].

Оно же гарантировалось строгим соблюдением партийной дисциплины, под чем подразумевалось беспрекословное подчинение воле Главного комитета — ведь именно он «представляет Радикальную партию во всей ее деятельности и решениях», как то было зафиксировано в резолюции 2-го съезда, состоявшегося в Нише в мае 1889 г. [22, с. 52] Утвержденный тезис лишь конкретизировал принципы партстроительства радикалов, заложенные в Уставе партии от 1882 г.

Во исполнение оных, вождь требовал от *всех без исключения parteigenossen* *непременного* согласия с линией руководства. Когда в 1896 г. в Нише из партии было исключено несколько «предателей», а местный городской комитет подал в отставку из-за разногласий по вопросу об отношении к ним, Пашич, накануне выборов состава нового горкома, послал туда письмо (его мы касались и еще коснемся), где подчеркнул: «Главный комитет желает, чтобы выбор пал на тех товарищей, которые полностью солидарны с ним в оценке вины исключенных перед партией». Вина же их была такова, что «больше и тяжелее не бывает» [20]. Отсюда и наказание...

Очевидно, что в Сербской радикальной партии, по определению, не могло существовать инакомыслия, как и реальной автономии местных организаций. Все решал верховный штаб (он же «трибунал») во главе с *вечным* начальником: разрабатывал «генеральную линию», казнил или миловал. Исключений не было ни для кого, — невзирая на статус или прошлые заслуги. Подтверждение — в том же, поистине программном, письме председателя ГК в Ниш: «Некоторые наши товарищи полагают, что центральное руководство не имеет права исключать членов партии до тех пор, пока местный комитет не обратится к нему с соответствующим представлением. Такой подход глубоко ошибочен. ГК исключает любого члена партии, чьи действия несознательны, неискренни или враждебны по отношению к ней. Он распускает местные комитеты, которые не работают в партийном духе, и может исключить даже члена ГК, если тот действует вразрез с партийным интересом» [20].

Перед нами и впрямь как будто статут военизированного ордена. При этом следует отметить, что закрепленный в нем порядок существовал до самой кончины Пашича, который и был тем единственным человеком, кто определял, что же из себя представляет этот самый «партийный интерес» — категория, надо заметить, весьма размытая и беспощадная. Уже после образования Югославии жертвами его (не Пашича, а «интереса») пали политические великаны — Стоян Протич, Любомир Йованович... И ничто не могло им помочь.

11 августа 1926 г., т. е. за четыре месяца до смерти, старый вождь нацарапал слабеющей рукой давнему другу Аце Станоевичу: «Я получил твое письмо, в котором ты сообщаешь о спорах и разногласиях, возникших в среде наших товарищей во время выдвижения кандидатов в город

скую управу Белграда. Все эти споры меня удивляют — я не могу их понять, а тем более одобрить, в среде нашей партии, которая всегда поражала весь мир своей дисциплиной» [9].

Последние слова Пашича — отнюдь не праздная метафора. Его современник и биограф, итальянский граф Карло Сфорца вспоминал: «В бытность мою во Франции я имел возможность изучить организацию Французской радикальной партии, о которой тамошние консерваторы говорили, что именно она является хозяйкой страны. Так вот, организация французских радикалов — это детская игра в сравнении с организацией старой Сербской радикальной партии» [23, с. 52]. Что, собственно, и требовалось доказать...

Особенности идеологии сербских радикалов. Говоря об идеологии радикалов — этом втором компоненте, составляющем понятие «характер партии», — следует отметить, что о ней в 1880-е гг. Н.

Пашич высказывался немало (в речах, статьях и иных сочинениях), особенно до своего вхождения во власть. Мы уже имели возможность подробно анализировать эти материалы [см.: 24], а потому остановимся здесь лишь на некоторых его письмах, где нашел отражение данный сюжет. Начнем с известной записки Пашича директору Азиатского департамента МИД России И. А. Зиновьеву (март 1887 г.) [25].

Уже упоминалось о *традиционном* (а значит — антилиберальном) характере *народнической* доктрины радикалов, в основе которой лежало наследие Светозара Марковича. В послании Пашича Зиновьеву эта ее черта, т. е. идея противостояния с *чуждым по духу* Западом, проявила себя в полном блеске. «Главное стремление в нашей политической борьбе, — объяснял он русскому чиновнику, — состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное сознание и жизнь...». Именно отсюда проистекало столь жесткое сопротивление радикалов австрофильскому курсу белградских властей, которые «желали бы сразу обратить Сербию в маленькую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское». И далее: «Наша партия полагает, что у сербского народа есть столько хороших и здравых учреждений и обычаев, что их оставалось бы только беречь и дополнять теми прекрасными установлениями, которые имеются у русского народа и остальных славянских племен, а с Запада брать только технические знания и науку и пользоваться ими в славяно-сербском духе».

В этом пассаже — суть позитивной идеологии Радикальной партии, ключ к пониманию ее социокультурной направленности. Под «хорошими и здоровыми учреждениями» Пашич имел в виду православную церковь, сельскую общину (с присущей ей коллективистской ментальностью) и старую традицию народного самоуправления, на которой базировалась вся политическая теория радикалов. Их он считал основными элементами Восточной — *славянской и православной* — цивилизации. Принадлежность к ней, по его мнению, помогла сербам выстоять, сохранив себя под турками. Она же должна помочь им успешно противостоять наступлению «германизма» на Балканы, явно усилившемуся после Берлинского конгресса [см.: 26].

Однако перед ним не мог не встать вопрос: а была ли Сербия в состоянии в одиночку бороться с этим вторжением «опасной заразы»¹. Негативный ответ напрашивался сам собой, ведь силы были слишком неравны. «Распространение влияния Западной Европы, — писал он весной 1884 г. опальному митрополиту Михаилу, — невозможно остановить на сербской границе» [5, с. 172]. Такая констатация толкала Пашича к поиску надежных союзников. А потому и активные попытки вступить в связь с российскими официальными и славянофильскими кругами, предпринятые им еще в начале 80-х гг., не кажутся чем-то неожиданным. Они четко соотносились с его антизападнической позицией: именно в России видел Пашич основу славянской православной цивилизации, с какой связывал судьбу своего народа.

¹ Аутентичное выражение Н. Пашича: «Домаћи лек противу заразе». См. : АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-32.

Здесь истоки прочного пророссийского определения сербских радикалов и их вождя. «Наша партия, — подчеркивал он в письме Зиновьеву, — во внешней политике держалась славянской, православной России, а

во внутренней — сербских обычаев и духа. Вот откуда проистекает для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же встал на нашу сторону». Как видим, Никола Пашич и его соратники не были, подобно Стояну Новаковичу и напреднякам² в 1890-е гг., «рациональными русофилами» [27, с. 271]. Их русофильство носило *органический* характер. Само стремление к сохранению в Сербии status quo (по формуле: *сербский народ — сообщество равных*) и традиционных основ его жизни («сербских обычаев и духа») автоматически толкало радикалов через неприятие Запада к поискам союза с Петербургом, как предводителем Востока и славянства в целом, и противовесом Вене на Балканах, в частности. В этих поисках, что особенно важно, они имели полную поддержку огромного большинства сербов.

Настоящее заключение не есть какая-то умозрительная конструкция автора. В письме графу Н. П. Игнатьеву Пашич собственным пером провел грань между двумя концепциями русофильства. Оценивая поворот кабинета Ст. Новаковича в сторону России, совершенный в 1895 г., он писал: «Для России будет лестно, что все партии в Сербии теперь сторонники русского влияния, но надо бы различать сторонников по нужде от сторонников по чувству долга и убеждениям»... [28]

Итак, традиционалистское (охранительное) начало в доктрине Радикальной партии, как это видно из писем Пашича, со временем только усиливалось. Что представляется весьма логичным, так как базовое противоречие *модернизация — патриархальность*, имманентно присущее Сербии со времени Революции 1804—1835 гг., после обретения ею независимости заметно обострилось. Стремление прозападнической части национальной элиты «насадить в Сербии европейскую культуру» [29, с. 90], вызвало резкий протест радикалов. В ответ на мощный вызов, они провозгласили главной задачей защиту сербской самобытности, отождествив ее с только что завоеванной свободой.

Строя свою доктрину на базе укорененной в народном сознании патриархальности и *идентифицируясь*, таким образом, с массой, соратники Пашича (как политическая партия) выражали спонтанное и резко негативное отношение крестьянства к структурным изменениям общества и государства (их модернизации), каковые могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия. Закрытое общество противилось всем попыткам хоть немного «приоткрыть» себя.

Свое понимание этого глобального (то скрытого, то явного) внутреннего конфликта (из которого — вспомним его послание Кулаковскому — и родилась Радикальная партия) Н. Пашич сформулировал в виде чеканного слогана. Мы находим эту фразу в письме одному его приятелю из России (вторая половина 1880-х гг.): «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, но, идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы...» [30].

Вместе с тем, отвергая с порога *либеральные ценности* западноевропейской цивилизации, ее индивидуалистический этос и эгоизм, угрожавшие сербам социальной эрозией, полным забвением обычаев и традиций и в конечном итоге национальной деградацией, Н. Пашич вполне

² Партия напредняков (прогрессистов) создана в 1880 г. представителями проевропейской интеллигенции — Миланом Пирочанцем, Милутином Гарашанином, Стояном Новаковичем и др. В 1881—1887 и 1895 гг. находилась у власти. Первый напредняцкий кабинет (1881—1883) во главе с М. Пирочанцем начал реформы, направленные на модернизацию Сербии, не всегда осознавая, правда, степень готовности к ним собственного народа. Это во многом спровоцировало жесткий внутренний клинч, поставивший страну

на грань гражданской войны. Радикалы Пашича всегда выступали против всех модернизационных новаций сербских властей.

был готов принять ее *результаты и достижения* — «технические знания и науку», — использовать которые предполагал «в славяно-сербском духе», то есть, не повторяя ее *пути*.

В такой *амбивалентности* подхода вождя — суть разделявшейся сербскими радикалами особой формулы прогресса, которая, выражаясь словами Джеймса Биллингтона, «позволяла бы заимствовать, но при этом оставаться отличными от Запада» [31, р. X]. Таким образом, был по-прежнему актуален все тот же, сформулированный еще на заре их политической юности, вопрос: как измениться, оставаясь в то же время самими собой? В различных вариациях вопрос этот *всегда* являлся стержнем общественной философии партии Николы Пашича.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перовић, Ј. Пера Тодоровић — више од личне судбине / Ј. Перовић // Тодоровић П. Писма. Личности и личност / приред. Ј. Перовић. Београд, 2000. С. 17—78.
2. Шемякин, А. Л. Никола Пашич глазами русского путешественника (К вопросу об идейной природе Сербской народной радикальной партии) / А. Л. Шемякин // Славянский альманах 2005 / Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Институт Славяноведения РАН. М., 2006. С. 432—442.
3. Драгнић, А. Србија, Никола Пашић и Југославија / А. Драгнић. Београд: Народна радикална странка, 1994. 280 стр.
4. Протић, М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881—1903) / М. Протић. Београд : САНУ, 1990. 252 стр.
5. Пашић, Н. Писма, чланци и говори (1872—1891) / Н. Пашић / приред. Ј. Перовић, А. Шемјакин. Београд: Службени лист СРЈ, 1995. 354 с.
6. Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11623/24.
7. Народна Библиотека «Кирил и Методий» — Български Исторически Архив. Фонд 34. Арх. ед. 8.
8. АСАНУ. Бр. 7885/7.
9. Рукописно Одељење Народне Библиотеке Србије (далее РО НБС). Сигн. Р-675/4.
10. Пашић, Н. Моја политичка исповест / Н. Пашић // Србија и коментари. Београд : Задужбина М. Црњанског., 1989. Стр. 113—233.
11. Рукописно Одељење Матице Српске (далее — РОМС). Бр. 36. 164.
12. Протић, М. Пашић и Протић пре 1914. Скице ликова / М. Протић // Историјски гласник. 1971. Бр. 1.
13. Protic, M. The Serbian Radical Movement 1881—1903. A Historical Aspect / M. Protic // Balkanica / Annual of the Institute for balkan studies; ed. D. Batakovic. Belgrade, 2006. P. 129—149.
14. Перовић, Ј. Увод. / Ј. Перовић, А. Шемјакин // Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872—1891) / приред. Ј. Перовић, А. Шемјакин. Београд: Службени лист СРЈ, 1995. С. 5—26.
15. Протић, М. Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић / М. Протић // Никола Пашић. Живот и дело: зборник радова / САНУ, Задужбина «Никола Пашић»; ред. В. Крестић. Београд, 1997. С. 145—159.
16. Шемякин, А. Л. Письмо Н. Пашича П. А. Кулаковскому / А. Л. Шемякин // Историјски часопис. 1995. Књ. XL—XLI. С. 219—232.
17. Перовић, Ј. Никола Пашић о Радикалној странци пре њеног формалног организовања / Ј. Перовић // Никола Пашић. Живот и дело: зборник радова / ред. В. Крестић. Београд: САНУ, Задужбина «Никола Пашић», 1997. С. 53—63.
18. Раденић, А. Економска и политичка основа новог опозиционог покрета, радикалног, радикал-социјалистичког и социјалистичког смера / А. Раденић // Историјски часопис. 1984. Књ. XXXI. С. 79—138.
19. Самоуправа. 1936. 17 децембар.

20. Архив Југославије (далеке — АЈ). Фонд 143 (заоставштина Н. Пашића). Фасцикла 4.
21. Архив Србије. Фонд Поклони и откупи. Кутија 82. Бр. 170.
22. Трифуновић, М. Историја Радикалне странке / М. Трифуновић // Велика Србија. 1997. Август; Бр. 403. С. 1—192.

23. Сфорца, К. Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене / К. Сфорца. Београд: Космос, 1937. 357 с.
24. Шемякин, А. Л. Идеологија Николе Пашића. Формирање и еволуција (1868—1891) / А. Л. Шемякин. М. : Индик, 1998. 448 с.
25. «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашића директору Азиатского департамента МИД России И. А. Зиновьеву. 1887 г. / подгот. А. Л. Шемякин // Исторический архив. 1994. № 5. С. 108—135.
26. Шемякин, А. Л. Никола Пашић и идеја славјанској православној цивилизацији / А. Л. Шемякин // Славјански алманах 1999 / Министерство културе и масових комуникација РФ, Институт Славјановедения РАН. М., 2000. С. 76—87.
27. Трговчевић, Љ. Српска интелигенција у XIX. веку — западни и источни утицаји / Љ. Трговчевић // Европа и Срби: зборник радова / Историјски институт САНУ; ред С. Терзић. Београд, 1996. С. 261—273.
28. АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11746.
29. Овсяный, Н. Р. Србија и сербы / Н. Р. Овсяный. СПб., 1898.
30. АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.
31. Billington, J. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture / J. Billington. London: Weidenfeld and Nicolson, 1966. 786 p.

SUMMARY

The author having analyzed the letters of Nikola Pasic, the constant leader (since 1881) of the Serbian Radical Party offers the study of its two basic elements: ideology and structure. Nikola Pasic's unique role in the Serbian radicalism development made his correspondence devoted to the party activity the most important historical source. Such approach to the sources selection seems to be prospective, because the character and ideological nature of the party haven't been clarified yet. Some historians still confine themselves to mere interpretation of the party's official documents. Complex approach to the problem leads A. L. Shemyakin to conclusion that devotion to the populist doctrine rooted in Russian Narodnik movement (P. L. Lavrov mainly) had an effect on the process of the party organization and its ideology elaboration. The conclusion is based upon the comparative analysis of the party documents and Pasic's letters that expound his opinion about the party regulations and program.